

Повесть Татьяны Рыжковой «Новая Отчина, или Быль о том, как новгородцы поюжанами стали» является продолжением родовой книги «Вологодчина» – о семейном древе Рыжковых и рассказывает о причинах, поиске и обретении ими новой родины на Вологодской земле. Повесть была отмечена дипломом Южно-Уральской литературной премии 2014 года за историческое повествование об освоении новых земель.

Автор с первых строк погружает нас в эпицентр исторического, семейного и личного разлома в судьбе нашей многострадальной Родины.

«Решались тяжело, долго. Почасту собирались вместе, пересказывали услышанное на торгу или пристани, что кто-то ещё снялся с родного подворья на новые земли. Прикидывали маршрут, по которому пойдут беглецы. Рядили, каким путём легче дойти до Нижнего или Костромы. Вспоминали волоки и рядки, ставленные на речных путях, на которых приходилось бывать. Но никто первым не решался подступить к тому потаённому, что было у всех на уме и что пугало своей почти осязаемой неотвратимостью».

Перед автором стояла архисложная задача – написать исторический роман, написать так, как до неё никто не писал. Написать без морализаторства и нотаций. Так, чтобы было интересно и детям, и молодёжи и старшему поколению. Автору удалось выполнить всё это в полной мере. Национальная идея, которую ищут политологи и военные, педагоги и учёные, как в зеркале отражена на страницах родовой книги Татьяны Рыжковой. Судьбы сынов и дочерей великой нашей Отчины, сплетаясь с судьбой Родины, дают ей силы. А она, в свою очередь, даёт силы своим детям. И не согнут вовеки это дерево никакие испытания и ветра. Корни глубоки, крона могуча. Одна из ветвей – род Рыжковых, за которым пристально и с любовью следит их наследница.

«У старшего из Рыжковых – Семёна – дочь, жившая своей семьёй, а потому уже отрезанный ломоть, ставалась в Новгороде. С ним отъезжали два сына – Алексей и Василий, двое из пятерых сыновей, пережившие голод. Алексей, средний, любимец и гордость отца, вышел в его породу – русоволос, голубоглаз и, несмотря на крупное и сильное тело, быстр и проворен в любом деле».

Между тем повествование не замыкается на межличностных и бытовых проблемах героев. Бережными, выверенными мазками открывается читателю огромное историческое полотно жизни России первой половины XVII века. Время смуты, когда в каждом человеке проявляется и хорошее, и плохое особенно ярко.

«Времена были беспокойные. После разбачения и убийства первого Лжедмитрия на московский престол воссел боярин Василий Иванович Шуйский, избранный на царствование всенародно Земским собранием. Но объявился ещё один, якобы чудом спасшийся в Угличе, "истинный" сын царя Фёдора. И этого непонятно откуда взявшегося второго Дмитрия провели к Москве всё те же ненавистные ляхи.

Оттуда, из беспокойной и слабеющей в царственных распрях Московии, слали гонцов от Василия с приказами о сборе ополчения, а недолгое время спустя из другого лагеря прискакал боярин Салтыков с угрозами расправы с новгородцами, если не возьмут сторону новоявленного, "истинного" царя Дмитрия».

Повесть, как лучшие образцы этого жанра, захватывает, уносит в прошлое. Погружаешься с головой в то время, в ту действительность. Завораживает многомерность повествования. Кажется, это нас спрашивает старец рода Радомиров: «Что завело вас в сею глухомань – лихо како, аль корысть людска?» И, кажется, это мы вместе с переселенцами вбили у воды колья, к которым накрепко привязали ладью. Кажется, это нам,

«спрыгнув на берег, рыбак с достоинством, которого от него не ожидали, склонил в поклоне голову, а затем не чисто, но понятно, произнёс здравие». И это нам он стал верным другом, чудной и милый Оляпка. И уже не только про своих героев, а точно про нас нынешних сказано: «Много, ох как много трудностей у них впереди, и они это знают и, не страшась и не сетуя на судьбу, спокойно ждут с ними встречи. По весне дружно засеют сохранённым зерном разделанные ими под пашню склоны горы и будут с нетерпением ждать первую поюжскую ниву. Срубят крепкие, просторные дома и поставят их вдоль реки, на вершине горы, там, где простор и ширь неоглядная и свет!»

Характер героев раскрыт лаконичными, точными мазками. Герои проявляют себя на великом историческом переломе эпох, передела земель. Мазки густые, яркие. Читателю остаётся широкое поле для фантазии, вымысла, раздумий и после того, как закроется книга. Повествование расцвечено тут и там пейзажными очертаниями, расцвечено мастерски, никак не нарушая стиля. Непреходящей любовью к Родине веет от них.

«Утром седьмого дня поднялись с рассветом. Над водой густо молочною пеленой стелился туман, укутывая всю округу. Вдруг потянул лёгкий ветерок, поднимая с воды белые космы, и враз затих, словно растворился в них. А вслед за ним, на освобождённую озёрную гладь, окрашивая её розоватыми бликами, опрокидывалась с высоты утренняя зорька. И казалось, что отражённые в спокойной воде острова, укутанные туманом, поднимаются вместе с ним и висят в воздухе над алой водой, такие же невесомые, как и он. Таинство и красота происходящего заворожали людей. Как зачарованные наблюдали они прекрасное рожде-

ние дня, и Онего уже не казалось им таким жестоким и коварным, а лишь грозным и сильным, дарующим жизнь достойным покорителям его».

Особенность авторского стиля проявилась в стилистике и подборе речевых форм, оборотов, слов. Щедрой рукой автора рассыпаны они по страницам повести. Ярko это проявляется в диалогах, раскрывая характер героев.

« – Мил человек, дозвожь спросить, – окликнул ли его. Мужик, развернувшись, подошёл к ним:

– Здрaвы будьте! Об чем узнать желаете?

– Скажит-ко, без утайки, ты лошадку-от для какой такой нужды купил?

Мужик понятливо заулыбался:

– А я боле других не желаю. Во третью уж в хозяйство беру.

– Да чем хороша-то, – допытывался Семён, – малосильна да неказиста с виду-то?

– А пуцай неказиста, ей замуж не выходить, – созорничал мужик, – но в работе нашим сивкам да кауркам не уступит – двужильная. Опять же всеядна, любая бобылка ей корм».

В лучших традициях русского исторического романа книгу завершает пояснительный словарь.

Название книги кажется стилизованным, нарочитым. Но с первых строк понимаешь, как оно органично и верно. Это жизнь, такая великая и трудная. Это действительно Быль об обретении себя и своего нового места на земле. Сюжет точно отражает временной период и место действия. Книга завораживает, зовёт за собой, расправляет плечи, внушает веру и силу.

Хорошая книга, как живой организм, живёт и развивается. Татьяна Рьжкова готовит к печати второе переработанное и дополненное издание своей повести.